

Однак, залежно від змісту повідомлення (того, що саме хоче сказати мовець), ці два типи речень можуть позначати як відношення ідентифікації, так і відношення власне тотожності. Наприклад, у реченні *Павло є Савл* «мова йде про тотожність різних виразів щодо одного й того ж предмета об'єктивної дійсності, який лише позначений різним чином» [3, с. 171], тому їх кваліфікують як конструкції з відношенням тотожності. А у реченні *Павло є Савл* конкретний суб'єкт виділяється серед йому подібних (наприклад, серед усіх осіб чоловічої статі з ім'ям Павло мовець має на увазі лише Савла, а не будь-кого іншого), тому такі конструкції називають реченнями з відношенням ідентифікації.

При використанні речень із відношенням власне ідентифікації об'єкт, актуалізований у попередньому тексті або ситуації, є тотожним одному з більшості об'єктів, що входять в поле зору мовця й адресата, однак адресат не знає, кому саме. Вказівка на цей об'єкт і становить мету висловлень із відношенням ідентифікації. Ознакою речень із відношенням ідентифікації є неоднорідність, нерівноправність складових компонентів: 1-й компонент (тема – *X*) позначає частковий аспект об'єкта (просторово-часовий або атрибутивний), 2-й компонент (рема – *Y*) стосується постійного, незмінного. У реченнях ідентифікації ідентифікуючий концепт обирається із низки альтернативних (будь-яка інформація передбачає можливість того чи іншого, тобто альтернативи), напр.: *Котрий із них брат? Чи отой, що сидить, стулившись, і, притримуючи ліву руку, хитасться, як завідна лялька, чи отой, що витягнувся під марлею, як мертвяк?* (Г. М. Тютюнник).

Отже, речення з відношенням ідентифікації близькі до речень із відношенням тотожності: обидва компонента належать до конкретного об'єкта. Однак метою висловлень із відношенням тотожності є вказівка на те, що ці іменні показники стосуються одного й того ж об'єкта, а виділення певного об'єкта з ряду подібних є ознакою відношення ідентифікації.

Література

1. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // *Аспекты семантических исследований*. – М.: Наука, 1980. – С. 156-249.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
3. Берка К. Функция глагола *быть* с точки зрения современной формальной логики. «Логико-грамматические очерки». – М., 1961.
4. Вайс Д. Высказывание тождества в русском языке: опыт их ограничения от высказываний других типов // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 15. – М.: Прогресс, 1985. – С. 434-463.
5. Словник української мови: В 11-ти т. – К.: Наук. думка, 1971-1980.
6. Стросон П. Ф. Идентифицирующая референция и истинное значение // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 13. – М.: Прогресс, 1982. – С. 109-133.
7. Сьюэл Дж. Р. Референция как речевой акт // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 13. – М.: Прогресс, 1982. – С. 179-202.
8. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
9. Шатуновський І. Б. Тождество и его виды // *Тождество и подобие. Сравнение и идентификация* / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 52-67.
10. Юм Д. Трактат о человеческой природе // *Сочинения в 2-х т.* – Т. I. – М., 1965.

Маркина М. Г.

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПЕРЕВОДА, ИЛИ ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА В СВЕТЕ РЕГУЛЯТИВНОСТИ ЯЗЫКА

Перевод – явление настолько сложное и разноплановое, что практически невозможно (да и не нужно!) дать такое определение этому процессу, которое стало бы своеобразным симбиозом всех тех предложенных на данное время дефиниций и которое удовлетворило бы исследователей разных наук, разных областей знания. Отдельные аспекты столь многогранного явления являются предметом многих наук. Следствием чего и является существование многочисленных формулировок, трактовок этой особого рода человеческой деятельности, объясняющих перевод исходя из положений, методологии *своей* науки.

Неоспоримым является тот факт, что перевод может, а главное, должен изучаться в рамках науки о языке. В работах многих исследователей отмечается, что «лингвистика заложила основы теории перевода, внесла «порядок и метод» в изучение переводческих проблем, установила границы между лингвистическими и экстралингвистическими аспектами перевода и, наконец, предложила довольно точные рабочие понятия и термины, весьма успешно используемые представителями самых разных наук при исследовании процесса перевода» [8]. Именно лингвистические исследования внесли основной вклад в изучение проблем перевода. При этом в рамках лингвистической теории перевода заметно существование разнообразных теоретических концепций и методов исследования, где господствующая роль отводится коммуникативному принципу, то есть исследованию перевода в рамках коммуникативной парадигмы. Здесь стоит назвать имена столь выдающихся ученых, как В. Н. Комиссаров [5; 6; 7], Л. С. Бархударов [1], А. Д. Швейцер [13], Т. А. Казакова [4] и др. Согласно коммуникативному принципу перевод понимается как акт межъязыковой коммуникации, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноценной замены оригинала в качестве коммуникативно равноценного последнему. Данный подход, как представляется, не является единственно возможным и единственно верным, поскольку оставляет ряд вопросов, особенно связанных с переводом поэтических текстов, открытыми и нерешенными.

В данном случае возникает необходимость поиска иных концептуальных оснований теории перевода. Одной из таковых, способной приблизиться к сущности перевода, на наш взгляд, может стать методология функциональной лингвистики как одной из активно развивающихся парадигм современного языкознания. Опираясь на теоретические выводы, сделанные в рамках данной парадигмы, возможно по-иному взглянуть на проблему перевода, снять ряд нерешенных вопросов и противоречий, в том числе связанных с поэтическим переводом.

Поэтому **цель** нашей работы состоит в том, чтобы обосновать необходимость изучения проблемы перевода в контексте лингвистического функционализма, предложить еще одно – *новое* – понимание данного явления.

Лингвистика нового времени отличается все большим появлением и выходом на первый план исследований, разрабатываемых именно в контексте функциональной парадигмы.

Функциональная парадигма, или другими словами, функциональная лингвистика исходит из философии, гносеологии функционализма, в основе которой лежит осознание «примата функции над субстанцией» [10, с. 40], утверждение, что «функция творит реалию, определяет ее природу, ее субстанцию, ее строение» [10, с. 35]. Следовательно, основная роль отводится понятию «функция», которое понимается как назначение реалии в Универсуме. Функциональный подход в лингвистике предполагает движение мысли от функции, значения к имеющимся средствам, формам и базируется на утверждении, что «фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без апелляции к *функциям* языка» [2, с. 10]. В таком случае первоочередная задача сводится к установлению функции языка. Таковой признается регулятивность как целенаправленное воздействие на сознание, когнитивные структуры реципиента. Определение языка как орудия регуляции, имеющего знаковую природу, является основой функциональной парадигмы.

Поскольку перевод есть явление, бесспорно, лингвистическое, то, следовательно, есть основания утверждать, что он может, а главное, должен быть включен в сферу интересов функциональной (регулятивной) лингвистики.

В данном случае очевидной становится необходимость дополнить высказанное В. Н. Комиссаровым утверждение о том, что прежде, чем ответить на вопрос «Как надо переводить?», следует спросить «Что значит переводить?» [5, с. 16], еще одним, пожалуй, самым важным вопросом: «Для чего переводить?». То есть, попытаться определить функцию перевода.

Учитывая, что в функциональном регулятивном языкознании всякий создаваемый текст («единственно воспринимаемая форма существования языка и речи») понимается как «инструмент непосредственного воздействия на собеседника, на адресата, на партнера» [11, с. 306], следует задуматься, каким образом тот или иной текст может выполнить свою функцию, если адресат является носителем другого языка. Ответ очевиден: только посредством перевода.

Воздействующая роль перевода отмечается в работах многих исследователей.

Здесь можно, например, сослаться на «концепцию функционального подбора, согласно которой изучается информационная функция тех или иных языковых элементов подлинника и устанавливается, какие языковые средства способны выполнить ту же функцию в переводе. Один из основателей Пражского лингвистического кружка Вилем Матезиус уже в 1913 году так сформулировал функциональный подход к переводу: «...В сущности поэтический перевод должен оказать на читателя такое же воздействие, какое оказывает подлинник, пусть даже иными художественными средствами, чем в оригинале... часто те же, или приблизительно те же, средства воздействуют различно. Положение, что тождество художественного воздействия важнее использования схожих художественных средств, в особенности важно при переводе поэтических произведений» [3, с. 415-416]. Об этом говорит и Р. Якобсон: «Мы художественно приблизимся к оригиналу тогда, когда (как, например, при переводе поэзии) ... будет избрана форма, которая ... не внешне, а функционально отвечает форме оригинала» [14]. Это же констатирует и польский теоретик Зенон Клеменевич, который утверждает: «Оригинал следует понимать как систему, а не как сумму элементов, как органическое целое, а не как механическое сочетание элементов. Задача перевода состоит не в воспроизведении элементов и структур оригинала, но в том, чтобы понять их *функцию* (выделено нами. – М. М.) и ввести такие элементы и структуры собственного языка, которые были бы, по мере возможности, субститутами и эквивалентами равной функциональной пригодности и эффективности (то есть функциональными вариантами. – М. М.)» [3, с. 416].

О чем-то сходном говорит и Казакова в работе «Теория перевода (лингвистические аспекты)». Исследователь отмечает, что «осуществление прагматического (то есть всех целей и намерений автора оригинала. – М. М.) воздействия на получателя информации составляет важнейшую часть любой коммуникации, в том числе и межъязыковой» [4]. И далее она отмечает, что зависит осуществление этого прагматического воздействия от выбора переводчиком языковых средств при создании им текста перевода. При этом стоит заметить, что «переводчик не должен рабски подражать форме исходного текста. Переводчик должен избрать аналогичную форму в языке перевода, способную произвести аналогичное воздействие на читателя» [9].

Дальнейшее развитие данной теории мы можем заметить в работах У. Эко. Согласно исследователю, перевод представляет собой «одну из *форм истолкования* и, даже исходя из восприятия и культуры читателя, он всегда должен стремиться к тому, чтобы воспроизвести ... *намерение текста*: то, что текст говорит или на что он намекает, исходя из языка, на котором он выражен, и из культурного контекста, в котором появился» [15, с. 16]. Здесь, как мы можем заметить, речь идет скорее о выражении некоторого содержательного начала, однако далее автор уточняет: «Переводить – значит понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке и построить (не преобразовать текст оригинала, что важно, а создать новый текст! – М. М.) такую текстуральную систему, которая *в известном смысле* может оказать на читателя аналогичное воздействие – как в плане семантическом и синтаксическом, так и в плане стилистическом... – равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремится текст-источник» [15, с. 16].

Таким образом, есть основания утверждать, что перевод осуществляется с целью обеспечить возможность воздействия на реципиента, принадлежавшего к иному лингвокультурному сообществу, аналогичного воздействию, осуществляемому оригиналом. Это и есть функция перевода, то, для чего осуществляется данный процесс. А сам перевод, следовательно, следует понимать как *инструмент межъязыковой регуляции, представляющий собой создание текста на языке перевода, функционально тождественного тексту на языке оригинала.*

Исходя из утверждения, что необходимость воздействия на мир с помощью языка требует существования развернутой системы номинативных средств и соответствующих законов, по которым эти средства комбинируются в процессе построения текстов, осмелимся предположить, что в процессе создания текста перевода особую роль сыграют разработанные функциональной лингвистикой положения относительно сферы номинации (область «функциональной семантики») и сферы регуляции (теория текста).

Возможность перевода в данном случае объясняется существованием, если можно так сказать, всеобщей (характерной для всех существующих языковых коллективов) языковой картины мира, наличием универсального набора семантем (семантема – единица системы номинации; языковое понятие [10]), имеющих место в картине мира каждого языкового коллектива. Различия наблюдаются в актуальности/неактуальности данной семантемы для определенного коллектива, в существовании развернутой/неразвернутой системы вариантов реализации семантемы, в знаковых единицах (словах и словосочетаниях), репрезентирующих данное понятие.

Для выражения семантемы в разных языках используются совершенно разные языковые средства, разный набор вариантов. Один из основных вопросов сводится к тому, чтобы определить, какие средства в языке перевода будут воздействовать на те же когнитивные структуры, что и средства, используемые в оригинале, то есть найти *межъязыковые варианты семантемы*. Это отнюдь не означает, что вариант, используемый в оригинале, и вариант, выбранный в переводе, будут тождественны по ценности. Иными словами, вариант, используемый в оригинале, может, допустим, формировать ядерную зону реализации семантемы своего языка, а вариант, употребляемый в переводе, формировать периферийную зону. Воздействие же, осуществляемое обоими вариантами, при этом может быть аналогичным.

Таким образом, семантема определяется нами как минимальная единица перевода.

Само же воздействие, как нами уже было отмечено, осуществляется посредством организованной особым способом речевой системы конкретного текста. В поэтическом тексте истинный смысл скрыт от читателя и доступен лишь при особом его (текста) прочтении, что определяет одну из основных сложностей, возникающих перед переводчиком – правильное определение и, следовательно, передача в переводном тексте этого, скрытого от поверхностного чтения смысла. Регулятивное видение текста: выделение в его (тексте оригинала) структуре двух подсистем – воздействующей части и «средства доставки» [см. 11; 12] этой части к объекту воздействия есть первый шаг к осуществлению адекватного перевода. Так как от умения переводчика «увидеть» в исходном тексте эти «части» и найти в языке перевода *свои* средства для их выражения зависит «успешность» переводного текста, его функциональность.

Итак, нами была предпринята попытка приблизиться к сущности перевода: трактовать данное явление с позиции лингвистического функционализма. Дальнейшая работа в этом направлении позволит не только предположить, но и теоретически обосновать возможность построения в «новой» – функциональной – теории перевода, увидеть, какой данная наука может быть. На основе этой теории оказывается возможным сформулировать некоторые нормативные рекомендации, принципы, методы и приемы перевода, следуя которым переводчик может более успешно решать стоящие перед ним задачи.

Имеет значение и то, что в данном случае предпринимается попытка разрешить проблему, поднятую еще в XIX столетии Гумбольдтом и Шлейермахером: «Должен ли перевод подводить читателя к пониманию лингвистического и культурного универсума оригинального текста, или же его задача – так преобразовать оригинальный текст, чтобы сделать его доступным читателю, принадлежащему к языку и культуре назначения?» [15, с. 204]. Думается, что все-таки задача перевода – если не «преобразовать» текст оригинала, то создать на его основе такой, который был бы его функциональным вариантом в позиции, которую можно именовать «иная лингвокультурная ситуация».

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Дорощев Ю. В. Функциональный анализ художественного текста. – Симферополь: ТЭИ, 2004.
3. Иржи Левый. Состояние теоретической мысли в области перевода. «Мастерство перевода». – М.: Сов. писатель, 1970.
4. Казакова Т. А. Теория перевода (лингвистические аспекты). – СПб.: Издательство Союз, 2000. – 296 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: ВШ, 1990. – 251 с.
6. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. – М.: ЧеРо, 1999. – 137 с.
7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2000. – 188 с.
8. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. – М., 1976.
9. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202-228.
10. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). – К.: Грамота, 2004. – 224 с.
11. Рудяков А. Н. За словом ли «лезет в карман говорящий», или о функциональном определении текста // X Международная конференция по функциональной лингвистике. – Ялта, 2004. – С. 305-307.
12. Рудяков А. Н. О знаковых «орудиях труда» // XII Международная конференция по функциональной лингвистике. – Ялта, 2005. – С. 294-295.
13. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М., 1988. – 211 с.
14. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16-24.
15. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.

Мартынюк А. П.

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ СМЕХОВОГО ЭФФЕКТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНЕКДОТЕ

Несмотря на непрекращающийся интерес к комическому со стороны как лингвистов, так и философов, логиков, психологов, литературоведов, когнитивный механизм создания комического все еще дискутируется. Среди когнитивных теорий юмора следует упомянуть теорию бисоциации А. Кестлера [4], фреймовую теорию М. Минского [2], теорию скриптов В. Раскина [6] и базирующуюся на ней формальную теорию С. Аттардо [3], а также теорию антиципации П. МакГи [5].

С точки зрения А. Кестлера, смеховой эффект есть результатом психических процессов, названных бисоциацией. Бисоциация определяется как восприятие ситуации в двух несовместимых системах координат,